

– Если бы я только знала, ваше величество, что все это вам неуютно, я никогда не стала бы с ним разговаривать.

Сама же она только и думала о том, чтобы найти какой-нибудь способ его опять увидеть, и на этот раз так, чтобы королева ничего не узнала. И вот как она поступила. По средам, пятницам и субботам Роландина постилась и в эти дни обычно оставалась в комнате одна со своей воспитательницей. И в те часы, когда все остальные придворные дамы уходили ужинать, она могла на свободе разговаривать с тем, кого все сильнее любила. И чем меньше у них оставалось на это времени, тем пламеннее становились их речи, – они с жадностью хватались за каждую украденную минуту, как вор хватается за драгоценные вещи. Но тайна их раскрылась: кто-то из слуг увидел, как в один из постных дней бастард из знатного рода вошел в комнату, где жили придворные дамы; он шепнул об этом другому, а тот все рассказал королеве, которая до того разгневалась, что молодому человеку никогда уже больше не разрешили переступить порог этой комнаты. Но чтобы не потерять возможности видеться со своей возлюбленной, он говорил, что едет куда-то по Делу, и по вечерам отправлялся в замковую капеллу, переодевшись францисканцем или доминиканцем, и монастырская одежда так изменяла его внешность, что узнать его никто бы не смог. И так вот, во время службы, встречался он с Роландиной, которая приходила туда в сопровождении своей воспитательницы. И, видя, какую любовь она к нему питает, он не побоялся сказать ей:

– Мадемуазель, вы видите, каким опасностям мне приходится подвергаться, чтобы служить вам, и знаете, как строги запреты королевы, не позволившей вам говорить со мной. Знаете вы и упрямство вашего отца – он ведь и не помышляет о том, чтобы выдать вас замуж. Он отверг уже столько хороших партий, что ни в наших краях, ни где-либо в другом месте не найти никого, кто бы стал добиваться вашей руки. Я хорошо понимаю, что я беден и что вы могли бы выйти замуж за дворянина богаче меня. Но если почесть за сокровище истинную любовь и добрую волю, то, пожалуй, вы не найдете на свете более богатого человека, чем я. Господь наделил вас превеликим богатством, и вам грозит опасность разбогатеть еще больше. Если бы мне удалось услышать, что выбор ваш пал на меня и вы согласны стать моей женой, то это было бы для меня несказанным счастьем и до конца моих дней я остался бы вашим мужем, другом и верным слугою. Если же вы предпочли бы человека, по положению равного вам – а найти такого совсем не легко, – он захотел бы стать вашим господином и больше бы думал о ваших богатствах, нежели о вас самой, и красота была бы для него дороже, чем добродетель. Пользуясь своим правом распоряжаться всем, что у вас есть, он обращался бы с вами хуже, чем вы этого заслужили. И я так страстно хочу, чтобы желание мое исполнилось, и так боюсь, чтобы вы не подчинились чьей-то чужой воле, что я молю вас принять такое решение, которое сделало бы меня счастливейшим из людей, позволив мне исполнить все ваши желания и заботиться о вас так, как не мог бы никто на свете.

Роландина, слыша, что он говорит ей именно то, что ей самой хочется сказать ему, ответила:

– Я очень рада, что вы первый заговорили о том, что я давно уже хотела вам сказать. Все эти два года, с тех пор как я познакомилась с вами, я думаю об этом денно и ночью и стараюсь взвесить все доводы и решить, должна ли я связывать свою судьбу с вашей. Ведь коль скоро я все равно решила, что должна буду выйти замуж, остается только выбрать того, кто был бы мне по душе. И разве могут что-нибудь значить для меня красота, богатство и знатность, если я убеждена, что единственный человек, с которым я могла бы жить спокойно и счастливо, – это вы? Я знаю, что, сделавшись вашей женой, я не прогневаю господя, а только исполню его волю. Что касается отца моего, то он так мало заботился о моих интересах и столько раз отказывал моим женихам, что теперь, если я и выйду замуж, он по закону не имеет права лишить меня наследства. Но пусть даже я ничем не буду владеть, кроме того, что есть у меня сейчас, – с таким мужем, как вы, я буду почитать себя самой богатой женщиной в мире. Что же касается госпожи моей, королевы, то совесть не помешает мне послушаться ее, дабы исполнить веление господя бога, ей-то ведь совесть не помешала лишить меня счастья, которое я могла иметь в дни моей юности. Но чтобы вы не сомневались в том, что любовь моя к вам высока и чиста, вы должны будете пообещать мне, что не станете добиваться женитьбы на мне до тех пор, пока отец мой жив, или до тех пор, пока мне тем или иным путем не удастся добиться его согласия.

Бастард охотно все это ей обещал, и чтобы скрепить свои обещания, они обменялись кольцами и, придя в церковь, торжественно поцеловали друг друга, призвав себе в свидетели бога. И кроме поцелуев, между ними никогда ничего не было.

Сердца их наполнились радостью истинной любви, и всецело положась на силу своего чув-